

ПОСЛѢДНЕЕ СЧАСТЬЕ.

Некрологъ сельскаго священника.

Лучина ужъ давно въ селѣ погашена,
Блѣднѣть въ облакахъ надъ церковью луна;
Лишь за оградю во всемъ дому одно,
Какъ блестка, свѣтится промерзшее окно.
Тамъ ужъ давно больной страдаетъ и томится,
И въ близкую ему могилу торопится...
Но хочется порой ему еще пожить
И хоть на часъ къ себѣ то время воротить,
Когда на полѣ онъ съ семьей своей трудился,
Иль въ храмѣ Божиемъ за грѣшный мѣръ молился;
Когда онъ въ комнатѣ жилъ чистой и просторной,
Или прихожанинъ входилъ къ нему покорный,
Или вокругъ него родные веселились,
И слезы радости изъ глазъ его катились.
Теперь же охаетъ больной нашъ день и ночь,
И воздухъ кухонный сносить ему не въ мочь,
И невоздержный храпъ усталыхъ батраковъ,
И пѣнье рѣзкое докучливыхъ сверчковъ.
Не то бы въ горницѣ!... да зять тамъ помѣстился,
И съ той поры отецъ съ покоемъ распростился.
Онъ говорилъ: зачѣмъ мѣшать веселью ихъ
Иль кашлемъ прерывать сонъ дѣтокъ молодыхъ?
Пусть молодая жизнь ликуетъ на просторѣ,
Узнаютъ и они болѣзней нашихъ горе.
Но отчего-жъ досель я къ кухнѣ не привыкъ?
Да, страшно кашляетъ и день и ночь старикъ.

Усталой головой на руку склонена
Сидитъ у ногъ его печальная жена.
Смущаетъ духъ ея больного безнадѣжность,
Дѣтей безжалостныхъ презрѣнная небрежность,
И если сонъ глаза туманные смыкаетъ,
Отъ страшныхъ грезъ душа въ ней пуще замираетъ.
Ей представляется свѣтъ счастья прошлыхъ дней,
А будущность ея мрачнѣе всѣхъ ночей...
«Несчастный» говорить болящему она:
«Зачѣмъ ты комнату привычную оставилъ,
И молодымъ людямъ покой свой предоставилъ,
Которые свое лишь счастье любя,
Ужъ кажется, давно забыли про тебя.
Никто къ намъ не войдетъ утѣшить иль помочь,
Одна съ тобой сижу я день и ночь».
«Мой другъ», сказалъ больной: молчи, я крѣпко спалъ,
А сонъ-то, сонъ какой сейчасъ лишь увидалъ!
Архіерей меня вновь мѣстомъ наградилъ,
И домикъ я себѣ хорошенькій купилъ,
И вотъ я въ горницѣ своей сижу въ надеждѣ —
Родные молъ ко мнѣ сберутся, какъ и прежде,
И грудь трепещетъ вся отъ радости моя,—
Кого жъ, ты думаешь, во снѣ увидѣлъ я? —
Вошли и зять и дочь, какъ день весенній ясный,
И ластится ко мнѣ сынишко ихъ прекрасный...
Старикъ закашлялся... червячетъ кровь у рта...
И смолкли полные святой любви уста.
И между тѣмъ вокругъ работники дремали,
И дѣтки въ горницѣ спокойно почивали,
И равнодушная полночная луна
За садомъ скрылася отъ мерзлаго окна;
Лишь сторожъ, обходя храмъ Божій, одинокъ
Крестился набожно, завидя огонекъ.

Жена священника Марія Бѣлавская.